ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

И только одна лишь вера в сказанное сердцем!
Ф. М. Достоевский,
Братья Карамазовы

БЕЛИЗНА

Я белая.
Ночью замешено тесто.
Слепит белизною зима.
Я нынче невеста.
И можно сойти с ума
От счастья быть в белом, в пуржистом,
огнистом платье – один
Лишь раз надеть.
В перекрестье похорон и годин.
Я белый, коряво вырванный из тетрадки
в клетку несмелый лист.
Пишу нелепо, негладко.
Я белый тигр, белый лис.
Я белый кит, ума палата,
упоительный Моби Дик,
Косатки, дельфины, скаты
ловят мой тонкий крик.
Я белая. Бумага я старая, с краю горелая.
Рвут меня, мнут,
Суют на растопку в печь, на кроху минут,
И жрёт огонь всё, чем на земле я жила, –
Мечты, рыданья, выдумки, явь, всё горит дотла.
Я белый пух. Мной подушка набита навек,
И спит на моей птичьей неге иной человек,
Иные слёзы по наволке пятнами тихо плывут:
Ночная ладья, исчезай, этот берег крут.
Я нынче хозяйка. Я в белой холстине той
Кажусь себе на кухне Горой Мировою,
ризой святой,
Сверкаю, сияю!.. я баба на чайник... вот –
Качнётся маятник, качнётся тяжёлый живот...
А вот в этом зеркале, не дай бог, заглянуть,
Я в саване белом, пора собираться в путь,
В последний путь, ах, Господь, не хочется как,
Давай подложу Тебе, Распятому,
под щёку горячий кулак...
Всё мягче бредить, мой милый...

всё слаще спать...
Я белая простыня, устилаю Твою кровать,
И я не растаю в моих полях по весне,
И я воздымусь к небесам в соборном огне!
Ах, милый, зри, раскинулась белизна
Моя – на полмира, на небо без края-дна,
На землю, изрытую рек слезами, такую мою,
Что глянет в душу мою глазами у меня на краю!
Я белая! Я сияю! Я просто одна звезда!
Лечу, а куда – не знаю, и может быть, в никуда,
И я превращаюсь в незримые,
чисто-белые письмена,
И не прочесть, не вычесть, не выжечь,
лишь я зарыдаю одна.

* * *

Помолюсь пред родовою нашей иконой
Иоанна Грозного грозных времён
Грозно будущее катит с небосклона
Без огня без имён

Я лишь музыке люба я только звуки
Истомлённо плывущие задарма
Я лишь музыка люди я только руки
Мимо клавиш мимо ума

Мимо боли предательства казни лютой
Мимо петли завязанной в узел-смех
Только музыка нежная – на минуту –
Перед воплем из всех

Гулких глоток казнимых казнящих
Ртов орущих на гребне гиблой волны
Только музыка – молитвою настоящей –
Обочь всей тишины

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Ты, глазурь-печатка, пламенем – во мрак!
Я – живой заплаткой: Время – главный враг.
Тело белое глядится кочергой,
Прошлым бешенством-безумьем – ни ногой
В эту семечек – в метели – шелуху,
В те сугробы, что ложатся под соху,
Под железного мороза дикий плуг –
Где там жар голиц округ нежнейших рук!.. –
В те частушки, что на площади алкаш
Голосит, подачкой солнцу, баш на баш,
В ту сибиринку, татарский глаз разрез
На собачью стаю, в тот мохнатый лес,
Лай кликуший, душу вывернет носком
Крупновязаным!.. разлука – в горле ком...
Там Байкал слезою синею течёт!
Там стою я, дни-огни наперечёт,
На брегу, близ изумрудной Ангары –
В небе-море самолётные костры!
И на рынок там ворвусь из-за угла –
Зимний гусь, боец, ну что, твоя взяла!
Выжгло Время мне земную благодать.
Между всеми – хоть на рынке порыдать!
Снежный рынок, посреди тебя стою –
Ты мой храм, паникадилом жизнь мою
Подпали! кадилом перечным зажги!
Задеру башку – а не видать ни зги:
Синь великая польётся мне в глаза,
Неболикая, немая бирюза,
Вот, Байкал, едва уйму чудную дрожь –
Всем посконным небом надо мной плывёшь!
Ты мой купол! Я – лишь роспись на тебе:
По солёной штукатурке, по судьбе!
Я – казармы, я – слезами, водопад
Криков, шепотов, прощания солдат,
Позолота я, и звёзды без числа,
Окна – сотами, медовой сытью – мгла,
Это пристань, и змеиная волна,
Ну же, выстынь в льдяном зеркале без дна,
Перламутром, перлом, помнящим Раскол,
Протопоп да чада – вон, по льду побрёл...
Ах ты, Время! В модных латах... всё звенишь!
Я – зерно, а ты – прожорливая мышь...
Я – куржак, налипла слоем на стрехе,
Волчьим воем глухо каюсь во грехе...

Ох, мой рынок! Ангара-моя-вода!
Окунусь – и не восстану никогда
Из смарагдом зеленеющего сна:
Я твоя стремнина, мощная волна!
Как одну толкнул вперёд тебя Отец?!
Как в тайге уснул стрелецкий голубец...
Голомянки, сиги, омули, ельцы,
Лучезарные ленки – во все концы
Толщи чистой, яркоглазой, ледяной –
Догонять меня: ах, станет что со мной...
Погоди, моя девчонка! Погоди!..
Зарядят в ночи старухины дожди,
То ли вдовий, то ль монаший взденешь плат –
А тобой в дегтярной тьме огни глядят...

Ох, мой рынок! Ну, давай, в огнях торгуй!
В небеса швыряй замёрзлых сливок буй!
Мой буй-тур, алмазный княжич, снеговей –
Синь-вина плесни в ладони мне, налей!
Горсть подставлю, кожу горечью сожгу,
Жадно выпью, захмелею на бегу,
Только выстонать всю правду – вышел срок! –

Только выбросить дарёный перстенёк
Во сугробы, только выстыть на ветру,
Только выкрикнуть: не смейся! не умру! –
Над заваленным орехами лотком,
Над завязанным отчаянно мешком –
Нежный омуль там да вяленый чебак,
Мне, безумке, ты, рыбак, отдай за так!
Я – все эти оснежённые лотки!
Я – собакам кость из пламенной руки!
Я – лимоны, мёд, вся золотая снедь,
Я сверкаю, не даю вам помереть,
Я кормлю собой собак, зверей, людей
На изломе, на отлёте площадей,
Вот уже я пища ваша, град и весь,
И себя насущным хлебом дам вам днесь!
Рынок! рынок! Тыквы, чир, окорока!
И черника, и брусника – на века!
Черемшовый – из бочонка – терпкий дух...
Бормотанье, как вязанье, двух старух...
А девчонка пляшет, ягодку жуя...
Не гляди, ведь страшно... вылитая я...
Ярко-красно с досок ягоды текут
В белизну... да поживи ты пять минут...
Погляди на кистепёрые платки,
На меха на кочерге святой руки,
На соболий сверк синеющих снегов –
Я, родные, вот я ваша вся любовь!
Вот такою вы запомните меня:
Здесь – на рынке зимнем – языком огня –
Над сияньем репы, клюквы и капуст –
Над дрожаньем в заревой улыбке уст –
Время, дай обнять!.. Целуй, метельный враг!..
...я – глазурь-печатка – пламенем – во мрак.

МАТЬ И ДИТЯ. ПЕРВАЯ ВОЛНА

Эта палуба ещё у меня под костылями-ногами.
Я хожу-брожу по ней спасательными кругами.
Океан так тих. Вся тиха квартира
На задворках лоции, на отшибе мира.
Из копчёного чайника – бургундское наливаю.
Далеко, на горизонте, революция: звон трамвая.
Там мне лодка стальная в истерике шлёт сигналы –
А я за столом сижу, за трапезою бывалой.
Ресторан утонул. А корабль плывёт.
Повожу глазами –
Ты, Веласкеса кисть, печатлей, что там будет
с нами:
Обнажёнка рыбы отменной,
хек серебристый по медной чешуе-сорок-восемь,
Эрзац-кофе ячменный,
в мензурке мёд – под богатых косим.
А на диване – пацан. Отмыла от боли, поцеловала
В чистый лоб. Вчера добыла его из подвала.
Негде жить. Не беженец, не щенок, не крысёнок –
Просто холопом брошенный в грязь
Царский ребёнок.
С небо целое очи. Глядит светло и сурово.
На коленках портки дырявы. Божья обнова.
Он мне честь отдаёт. Только мысленно.
Я же вижу.
На столе – к нему ближе – селёдки
охотничья лыжа.
Утонул лаун-теннис, спортзал, шведская стенка,
Бери хлеб и кусай, на молоке ненавистная пенка,
Ты её нежно намотай на вкусную
сладкую ложку –
С твоим вензелем серебро...
подбери губёнками крошку...
Загляни, малыш, в щербатую, битую чашку –
Там земля на ветру дрожит в исподней рубашке,
Пальцы жарких пустынь вцепились во льды,
голые плечи –
А в затылок ей, грешной, зенит звёзды военными
ядрами мечет!
Наблюдай... молчи... верти чашку в подводных
пальцах...
Я фигуру ту – на палубе – надысь вышивала
старухой на пяльцах!
Я фигуру ту, рвёт норд рубаху, роза ветров ярится,
Шила рыбьей иглой, вывязывала
на лазаретных спицах!
Что земля мне была тогда, что ураган-свобода –
Я плодом её вынимала, молясь, матерясь,
из матки родильного небосвода,
Я её обмывала, крестясь, крестя, да, видать,
всё зряшно,
Не поднять стакан, не глотнуть, не вкусить
ни зелье, ни брашно!
Ешь ты, ешь, соболёнок мой! Земля не утонет.
Видишь, мы плывём. Нам радио в ладони уронит
От Советского Информбюро о грядущей войне
объявленье,
Ну, так завтра-то. Не боись... сохрани мгновенье...
На тебя, мой найдёнок, птичью лапку надену,
блаженство рода,
За тебя, мой царёнок, хоть в огонь прыгну,
хоть в воду,
Для тебя, живёнок, попру смертию смерть,
повезёт, может,
Как всегда попирали мы тьму –
алмазным морозом по коже!
Ешь ты, ешь, не сиди, кофеёк ячменный
твой стынет,
Мы по морю ночному плывём в дырявой корзине,
Я тебя тоже вышью, шёлком-гладью по снегу,
когда стану девчонкой,

Ждать недолго, ты ешь, а я пока лишь поплачу тонко,
Лишь воспомню всю мою
ясную, красную, несчастную Атлантиду,
А корабль плывёт, а мы тонем, медленно, незаметно с виду,
И я режу хлеб на тарелке, а там, в круге фаянса, изображенье:
В море тонет корабль, украдливо, дико это движенье,
Пахнет хлеб ржаной головёнкой твоей, княжич малый,
Хоть кусок возьми, нашу трапезу меж людьми начинай сначала,
Топки полны углём, умереть нам влом, гордо реет красное знамя
На бушприте, и в горле ком,
Бог забытый плывёт, смеётся со всеми нами.

* * *

Мы у Времени – кто?.. мы звери, черви и птицы.
А мы думали – люди?.. мы бабочки,
порх да порх.
Нам греха не знать, воробьём из лужи напиться,
Нам самих себя не расстрелять в упор.

Всё зверьё-птичьё никогда не ведает часа.
Не боится смерти. Не сверяется с календарём.
Всё щебечет, ползёт, пускается в полымя пляса,
Никогда не шепчет себе: «Мы завтра умрём».

Мы у Времени – что?.. мы по снегу
птичьи лапки.
Не повесишь на шею нательные птичьи кресты.
Мы у Времени – где?.. за пазухой?..
кружево, тряпки...
А в больничной котельной кочегары
от водки чисты...

А врачи по этажам всё носятся, всё летают,
Всё парят голубями, а маски прячут
их голый крик –
В хирургии старуха, бесноватая и святая,
Отдала Богу душу, птицей – к небу –
закинув лик...

Всё порхают капустницы белые... ангелочки...
Всё скулят под лавкой новоро́жденные щенки...
Бытие оборвётся однажды, без проволочки,
Так на проволоке гирлянды
сгаснут – лампадные огоньки...

Слушай, Время... Материя ветхая ты такая...
Расползёшься, – игла ни за что тебя не сошьёт...
Я собакой вою твоей,
твоей стрекозой порхаю,
Я коровой твоей перехожу твою реку вброд.

Я безмолвна, Время! Ты видишь – я безъязыка.
Что слова? Всё ложь. Настояща музыка
лишь одна.
Я зверьё твоё и птичьё, я зверьего рыка,
Одинокого хриплого крика нота без дна.

И воплю я одна – как хор твой!
Ораторья, облитая кровью!
Эти горы певцов, голосов – все они во мне!
...я у Времени – кто?.. причитанье, приблудье,
присловье,
Бедной зимней бабочки порх на холодном окне.

МУЛАТКА В ЕЛОХОВСКОЙ ЦЕРКВИ

...и светилась икона, златая заплатка
На мафории – в ладане храма...
И стояла в толпе молодая мулатка,
Иностранная юная дама.

Лили певчие свет стоголосьем безбрежным.
И тепло было в храме, как в чуме!..
А она, как ребёнок, так плакала нежно,
Что я думала – кто-нибудь умер.

Так мерцали во тьме два струящихся глаза,
В ночь бездонную, в вечность колодцы...
Неужели никто, никогда и ни разу
С горних высей сюда не вернётся?..

Так качалась – под ветром лозой обгорелой,
В такт мелодии, в платье белом...
Обернувшись, в сердце моё посмотрела –
И на ломаном русском запела.

Голос дрожью прошёлся от стержней басовых
До сияющих облачных граней...
И во тьму покатились тугие оковы
Окольцованных наших дыханий.

На груди её чёрный божок деревянный
Трепыхался на грубой бечёвке...
Знает идол насмешливый и окаянный
Все молитвы людей, все уловки...

Но чего же мы просим на кухнях чадящих
И на ложах, разобранных наспех?
Та молитва о Мире – всё горше, всё чаще.
Только в битвах – сражённые насмерть!

Только войны идут, и вопят, и пылают,
И взрываются: в радость не верьте!
Боже, музыка милая, Матерь Святая,
Упаси от безвременной смерти!

Боже, Всенощные, Литургии, кондаки,
Осмогласы, стихиры, ирмосы –
Охраните, родные, от дикого мрака,
От последнего горького плёса!

Ты поплачь, моя музыка, плачь с нами вместе,
Обними нас, детей несмышлёных...
Чёрных, белых и жёлтых, из глины и жести,
Из болотных огней запалённых...

А мулатка моя... жизни тёмное пламя...
Жжёт сквозняк... рвутся крыльями свечи...
Спой мне, музыка, что там, за временем, с нами
Станет, грешными... дальше... далече...

Спой, о чёрная музыка, огненным ливнем,
Ветер, волю вдохни полной грудью!
Прозвени, пролети упованием дивным,
Прокричи на безлюбьи, безлюдьи!

И когда мы пред Господом – все! – на колени
Упадём, задыхаясь от плача,
Обними нас руками твоих песнопений,
Обожги поцелуем незрячим!

...и рванула с груди деревяшку резную,
И бечёвка, как жизнь, оборвалась:
«Добрый Бог. Мир. Бери», – и бело улыбнулась,
И ко мне чёрным телом прижалась.

Смоль и чёрное пламя, ожгло меня тело,
Тело девичье, тело живое, –
А старуха из хора о мире запела,
Видя, как мы заплакали, двое.

И, как дочь, обхватила я слепо мулатку,
И, как мать, что вспоила ребёнка
Молоком буйволицы, тягучим и сладким,
Обняла меня чёрная жёнка.

И гребёнка из нефти волос покатилась...
Мы стояли, обнявшись, в притворе,
А любовь, возлетая над нами, светилась
В человеческом горестном хоре.